

ГЛАВА II.

ВОЖАТЫЙ.

Сторональ моя, сторопушка,
Сторона незнакомая !
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ :
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмылинушка кабацкая.

Старинная пьеса.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрышъ мой, по тогдашимъ цѣнамъ былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведеніе мое въ Симбирскомъ трактире было глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ цѣредѣ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня

и молчалъ, изрѣдка только покрякивая. Я непремѣнно хотѣлъ съ нимъ помириться, и не зналъ съ чего начать. Наконецъ я сказалъ ему: «Ну, ну, Савельичъ! полно, помиримся, виновать; вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебѣ. Ну, не сердись; помиримся.»

—Эхъ, батюшка Петръ Андреичъ!—отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Сержусь-то я на самого себя; самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебѣ одного въ трактире! Что дѣлать? Грѣхъ почутилъ: вздумалъ забрести къ дьячихъ, повидаться съ кумою. Такъ то: зашелъ къ кумѣ, да засѣль въ тюрьму. Бѣда да и только! Какъ показуясь я на глаза господамъ? Что скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ.

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впредъ безъ его согласія не располагать ни одною копейкою. Онъ мало по мало успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качал головою: «Сто рублей! легко ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибиткаѣхала по узкой дорогѣ, или точнѣе по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, оборо-

тился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, не прикажешь ли воротиться?»

— Это за чѣмъ?

«Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; — виши, какъ онъ сметаєтъ порошу.»

— Чгожь за бѣда!

«А видиши тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.)

— Я ничего не вижу, кроме бѣлой степи да яснаго неба.

«А вонь—вонь: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣль на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ щѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облегала небо. Пошелъ

мелкій снѣгъ — и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась матерь. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. «Ну, баринъ»—закричалъ ямщикъ—«бѣда: буранъ!»...

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ выль съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ — и скоро стали. «Что же ты неѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—Да чтоѣхать? — отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка;—невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ. — Я сталь было его бранить. Савельичъ за него заступился; «И охота было не слушаться» — говорилъ онъ сердито— «воротился бы на постоянный дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бѣ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» — Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка взрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ чего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жила или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія матели..... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!»—закричалъ я—«смотри: что тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталь всматриваться.—А Богъ знаетъ, баринъ—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто; возъ не

возь, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ъхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встречу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!»—закричалъ ему ямщикъ. «Скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?»

—Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ отвѣчалъ дорожный, да что толку?

Послушай, мужичокъ—сказалъ я ему—знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

«Сторона миѣ знакома!»—отвѣчалъ дорожный—«слава Богу, исхожена и изъѣзжана вдоль и поперецъ. Да виши какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ».

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный съль проворно на облучекъ и сказалъ ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай въ право, да поѣзжай». — А почему ъхать миѣ въ право? — спросилъ ямщикъ съ недовольствiemъ.—Гдѣ ты видишь дорогу? Не бось: лошади чужія, хомуть не свой, погоняй не стой.—

Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я;—«почему думаешь ты, что жило не далече?»—А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянуль—отвѣчалъ дорожный,—и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.—Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣль ямщикуѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то вѣзжал на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ъзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нечто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня: ибо вѣроятно знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣль я ворота, и вѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслю мою было опасеніе, чтобы батюшка не прогнѣвался на меня за невольное воз-

вращеніе подъ кровлю родительскую, и не почель бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ беспокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки, и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише,»—говорить она мнѣ—«отецъ болѣнъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься.»—Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоять люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; снѣвортился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его». Я стала на колѣни, и устремилъ глаза мои на больнаго. Что жъ? . . . Вместо отца моего, вижу въ постели лежить мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: Что это значить? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія у мужика?—«Все равно, Петруша,»—отвѣчала мнѣ матушка—«это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ».... Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во все стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ.... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе».... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною.... И въ эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: пріѣхали.»

—Куда прѣхали?—спросилъ я, протирая глаза.— «На постоянный дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣе, да обогрѣйся.»

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшою силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобы готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? — спросилъ я у Савельича.

«Здѣсь, ваше благородіе» — отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху. Я взглянулъ на полати, и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза. — Что, братъ, прозябъ? — «Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армакѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить? заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался не великъ.» Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ.

Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большие глаза такъ и бѣгали. Лице его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ было оборванный армякъ и Татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость,—прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье.» Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынуль изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему, и взглянувъ ему въ лицѣ: «Эхе»—сказалъ онъ—«опять ты въ нашемъ краю! Отколь Богъ принесъ?»—Вожатый мой мигнуль значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ—да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ.—Стали было къ вечерни звонить, да попадья не велить: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.—«Молчи, дядл,»—возразилъ мой бродяга—«будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: А теперь (тутъ онъ мигнуль опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходить. Ваше благородіе! за ваше здоровье!»—При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ. Потомъ поклонился мнѣ, и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора; но послѣ ужъ догадался, что дѣло

шло о дѣлахъ Яицкаго войска, въ то время только что усмиренаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія. Онъ посматриваль съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или, по тамошнему, *ужетъ*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился почевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснуль какъ убитый.

Проснувшись по утру довольно поздно, яувидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Сиѣгъ лежалъ осѣдлѣтельной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую утреннюю плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарили за обазанную помочь, и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. «Полтину на водку!» — сказалъ онъ, — «за что это? За то, что ты же изволилъ подвести его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣть у насъ лишнихъ полтингъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.» Я не могъ спорить съ

Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мне было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня, если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія. Хорошо—сказалъ я хладнокровно; если не хочешь дать полтину, то вынь ему что нибудь изъ моего платя. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулуупъ.

«Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ!» — сказалъ Савельевичъ, «За чѣмъ ему твой заячій тулуупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.»

—Это, старинушка, ужь не твоя печаль—сказалъ мой бродяга, «пропью ли я или нѣтъ. Его благородіе мнѣ жалуетъ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

«Бога ты не боишься, разбойники!»—отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. «Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. За чѣмъ тебѣ барскій тулуупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.»

—Прошу не умничать,—сказалъ я своему дядкѣ; сей-часъ неси сюда тулуупъ.

«Господи владыко!» простоналъ мой Савельичъ.— «Заячій тулуупъ почти новещенъкій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!»

Однако заячий тулуцъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ тулуцъ, изъ котораго успѣхъ и я выросъ, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился, и надѣль его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ пинки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе! Награди вѣсъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей».—Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на досаду Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней выигрѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулуцѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостию. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Ioannovны, а въ его рѣчи сильно отзывался Нѣмецкій выговоръ. Я подальше ему письмо отъ батюшки. При имени его, онъ взглянула на меня быстро: «Ноже мой!» сказала, онъ. «Тавно-ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ; а теперь вотъ ушь какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!»—Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь Иванъ Карловичъ, надѣюсь что ваше превосходительство»..... Это что за серемонія? Фуй, какъ ему не софѣстно! Конечно: дисциплина перво дѣло, но такъ ли пи-

шутъ къ старому камраду?.... «ваше превосходительство не забыло».... гм.... «и.... когда... нокойнымъ фельдмаршаломъ Минн....: походѣ... также и... Каролинку».... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнить стары наши проказъ? «Теперь о дѣль.... Къ вамъ моего повѣсу».... гм.... «держать въ ежевыхъ рукавицахъ».... Что такое ешевы рукавицы? Это должно быть Русска поговоркъ... Что такое держать въ ешевыхъ рукавицахъ?»— повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

—Это значитъ,—отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ,—обходитья ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держаъ въ ежевыхъ рукавицахъ.

«Гм, понимаю.... «и не давать ему воли».... нѣтъ, видно ешевы рукавицы значитъ не то.... «При семъ его паспортъ».. Гдѣжь онъ? А, вотъ ... «Отписать въ Семеновскій».... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано.... «Позволишь безъ чиновъ обнять себѧ и.... старымъ товарищемъ и другомъ» — а! на-конецъ догадался.... и прочая и прочая.... Ну, батюшка» — сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ — «все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ *** полкъ, и чтобы тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, доброго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Орен-

бургъ дѣлать тебъ нечего; разсѣяніе вредно моло-
дому человѣку. А сегодня милости просимъ от-
обѣдать у меня.»

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя:
къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ
матери, я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это
меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣ-
пость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!....
Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его
старымъ адъютантомъ. Строгая Нѣмецкая эконо-
мія царствовала за его столомъ, и я думаю, что
страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею хо-
лостою трапезою былъ отчасти причиною по-
спѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой
день я простился съ генераломъ и отправился къ
месту моего назначенія.
